

На правах рукописи

ПОПОВ Антон Павлович

**КОНФЛИКТ САМОРЕФЕРЕНЦИЙ ЧЕЛОВЕКА: ФИЛОСОФСКО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 09.00.13 – философская антропология,
философия культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва – 2020

Работа выполнена на кафедре философской антропологии философского факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Научный руководитель:

Пономарёва Галина Михайловна – доктор философских наук, профессор кафедры философской антропологии философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Официальные оппоненты:

Труфанова Елена Олеговна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель сектора теории познания Института философии РАН.

Щипков Василий Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры международной журналистики Московского государственного института международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации.

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена», Институт философии человека, кафедра философской антропологии и истории философии.

Защита состоится «15» декабря 2020 года в «15» часов на заседании диссертационного совета Д 002.015.01 Института философии РАН по адресу: 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д.12, стр.1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Института философии РАН (<https://iphras.ru/page20611325.htm>).

Автореферат разослан «__» _____ 2020 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета Д 002.015.01,

кандидат философских наук

Николаичев Борис Олегович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования.

В условиях усложняющейся динамики современного мира, развития новых технологий, новых форм коммуникации и быстрого нарастания объема знаний закономерно актуализируются проблемы эпистемологии, расширяется поиск новых методов и форм познания, новых межпредметных связей и познавательных практик неклассического типа, прежде всего в сфере философской антропологии. На первый план выдвигается вопрос о последствиях изменения эпистемологических акцентов при решении проблемы субъективных оснований самореферентных процессов, которые стали привлекать все большее внимание в связи с развитием радикального философского конструктивизма и эпистемологии наблюдателя.

В этом плане история философии знает ряд идей, которые Эрнст фон Глазерсфельд охарактеризовал как «непопулярные»¹.

В первую очередь речь идет об идеях, ставящих под сомнение классические представления об истине и мире, который мы познаем, используя различные познавательные стратегии. Основной вопрос, которым задавались и задаются приверженцы этих идей: совпадает ли полученное нами знание с действительностью? Традиционный ответ на этот вопрос дают реалистические концепции философии науки, которые утверждают существование независимой от субъекта объективной реальности и используют корреспондентную теорию истины. В истории науки период безраздельного господства такого идеала научного знания продолжался вплоть до конца XIX - начала XX столетия, до момента возникновения феномена, который академик В.С. Степин назвал

1 Glaserfeld E. von. Radical constructivism: a way of learning and knowing. London: Falmer Press, 1995. P. 24-48.

«неклассическим естествознанием»². Феномен «неклассического естествознания» непосредственно связан с чередой революционных открытий в конкретных науках: от появления квантовой физики, рождения генетики как научной дисциплины, до формирования концепции нестационарной Вселенной и кибернетики второго порядка Хайнца фон Ферстера. Кибернетика второго порядка, имеющая дело с процессами наблюдения, которые рассматриваются в тесном единстве с процессами коммуникации, дала толчок развитию философии радикального конструктивизма как философии междисциплинарности науки неклассического и постнеклассического этапов ее развития. Конкретно-дисциплинарный релятивизм в представлении новой научной картины мира логичным образом привел к ревизии проблемного рассмотрения философского статуса знания, к пересмотру оценки статуса знания в ситуации, когда междисциплинарный подход в науке требовал когерентности, объединения точек зрения представителей разных областей науки, которые привносили с собой разное понимание онтологических оснований научных теорий. Авторитет онтологического допущения оказался под вопросом. В данной ситуации необходимой стала разработка теорий, которые могли бы объединить на общей почве разнонаправленные конкретные дисциплины, предоставить тот инструментарий, который смог бы стабилизировать отношения между дискурсами. Среди таких теорий выделились теория систем, кибернетика и теория самоорганизации. Потребовался серьезный философский фундамент, на котором можно было бы выстроить здание междисциплинарной науки, потребовалась философская эпистемология.

Одним из ответов философии на поступивший со стороны науки запрос и стал радикальный конструктивизм. Его появление непосредственно связано с именами Э. фон Глазерсфельда, Х. фон Ферстера, П. Вацлавика, У. Матураны,

2 Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 622.

Ф. Варелы, Г. Рота.

Главный эпистемологический тезис, который утверждается радикальным конструктивизмом — тезис о принципиальной *сконструированности* знания субъектом. Оставаясь в первую очередь философской эпистемологией, радикальный конструктивизм вызывает сегодня все больший интерес, связанный с необходимостью его всестороннего глубокого исследования с целью определения как проблемных мест, нуждающихся в последовательной критике, так и подходов, которые могли бы помочь в понимании происходящих в современной науке, философии и философской антропологии мировоззренческих и методологических сдвигов.

Изучение философско-антропологического потенциала радикального конструктивизма, которое в рамках отечественной философской традиции только начинается, позволяет рассмотреть актуальную философско-антропологическую проблематику в тесной связке с современной философией науки, философией познания и философией сознания. В поле философской антропологии декларируемая радикальным конструктивизмом независимость субъекта и его базовая эпистемологическая установка дают возможность рассмотреть человека с точки зрения его самодостаточности и «самозавершенности», раскрыть организацию его познавательной деятельности.

Степень научной разработанности темы.

Тема настоящего исследования — конфликт самореференций человека и его философско-антропологический анализ. Термин «конфликт» носит специфический для данного исследования смысл, поэтому автором не рассматриваются научные источники по конфликтологии.

Проблема самореферентности обнаруживается уже в диалогах Платона³ в

3 Платон. Теэтет / Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 192-274.;
Платон. Парменид / Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. М.: Мысль, 1993. С. 346-412.

контексте критической аргументации против Протагора, и как проблема самопредикации идей — в «Метафизике» Аристотеля⁴ как продолжении критической аргументации Платона. Проблемой самореферентных парадоксов занимались С. Крипке, У. Куайн, Х. Патнем, Б. Рассел. А. Тарский, С. Ябло. Среди отечественных исследователей следует отметить работы В. А. Ладова, В.Б. Анохина и др.

Значимый вклад в развитие современного конструктивистского дискурса внесли Х. Гэш, Р. Гленвилл, Н. Луман, П. Хейл, З. Шмидт, М. Зелены. Среди отечественных исследователей радикально-конструктивистского дискурса следует отметить работы Антоновского А.Ю., Билалова М.И, Божко Н.Ю., Бровкиной А.Р., Евреевой О.А., Кезина А.В, Корбана И.В.. Лекторского В.А., Мартынова В.А., Овчинниковой В.В., Пагова Н.А., Плужниковой Н.Н., Ребещенковой И.Г., Режабека Е.Я., Улановского А.М., Федулова И.Н., Худобиной О.Ф., Цоколова С.А., Чертковой Е.Л.

Неклассическое понимание человеческого «Я» рассматривалось в работах К. Гергена, Ж.-П. Сартра, З. Фрейда, Р. Харре, М. Хайдеггера, К.Г. Юнга. Среди отечественных исследователей указанной проблемой занимались Д.И. Дубровский, И.С. Кон, А.Г. Спиркин, Е.Г. Трубина, Е.О. Труфанова, Г.Г. Шпет.

Огромный вклад в философское осмысление проблемы времени был внесен Аврелием Августином, чьи труды оказали влияние на все последующее развитие европейской философии. Конструктивистские интерпретации проблемы темпоральности рассматривались Э. фон Глазерсфельдом, Ж. Пиаже. Также подобные изыскания проводились в рамках социального конструктивизма: Т.А. Нестик, Х. Эйхберг. Феноменологическое исследование времени было осуществлено Э. Гуссерлем и отечественным специалистом по феноменологии В.И. Молчановым. Также проблемой времени занимались: А. Бергсон, А.Я. Гуревич, Дж. Мид, А.Уайтхед, А. Шюц.

⁴ Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2008.

Радикальный конструктивизм и «самореференция» как одно из его центральных понятий подробно разбирались как в зарубежной, так и отечественной литературе. Однако радикальный конструктивизм рассматривался прежде всего как эпистемологическое направление, методологический базис для научных исследований, но не в качестве философского основания изучения человека. Самореференция, хотя и признавалась многочисленными авторами в качестве характеристики познания, чаще позиционировалась как свойство логических парадоксов. Исследования, касающиеся человеческого «Я», в основном были выполнены в рамках социального конструктивизма или социальной психологии. Работ, использующих радикально-конструктивистский подход к данной проблеме (как и к проблеме темпоральности), либо чрезвычайно мало, либо нет вовсе.

Таким образом, можно констатировать, что степень научной разработанности темы данного диссертационного исследования недостаточна, и проблема конфликта самореференций человека как проблема философской антропологии требует дальнейшего всестороннего изучения и анализа.

Цель работы. Используя концептуальные установки радикального конструктивизма исследовать конфликт самореференций человека и формы его проявления в процессе конструирования реальности и «Я».

Реализация поставленной цели предполагает поэтапное решение следующих **задач**:

1. С помощью историко-философского анализа установить истоки радикального конструктивизма, его принадлежность к определенной философской традиции, проследить особенности самоопределения его представителей в рамках классического и постклассического философского дискурса.

2. Исследовать эпистемологические установки радикального конструктивизма, уделив особое внимание «эпистемологии наблюдателя» Х.

фон Ферстера, лежащей в основе концепции самореферентности и определившей философско-антропологический потенциал радикального конструктивизма.

3. Установить теоретические основания радикально-конструктивистских интерпретаций самореферентной природы человеческого «Я» и проследить их влияние на понимание процесса конструирования самоидентичности.

4. Исследовать антропологические конфигурации темпоральности, проанализировать их роль и значение в качестве особых конструкций познающего субъекта.

5. Раскрыть двойственность самореферентности и ее внутренний конфликт, проследив механизмы и формы его актуализации в виде конфликта самореференций человека.

6. Опираясь на обоснованную концепцию конфликта самореференций человека, выявить философско-антропологический потенциал радикально-конструктивистской трактовки проблем intersубъективности, коммуникации и фигуры Другого.

Теоретико-методологической основой исследования послужили в первую очередь наиболее значимые идеи основателей радикального конструктивизма и обоснованный ими подход, согласно которому реальность не репрезентируется субъектом познания, но активно им конструируется.

В диссертации использован ряд теоретических понятий, выработанных в конструктивистском дискурсе: самореферентность, круговая причинность, теория второго порядка, самонаблюдение, наблюдение второго порядка (как наблюдение наблюдения) и др.

В третьем параграфе второй главы была применена так называемая «логика различений», разработанная Дж. Спенсером-Брауном и применяемая в качестве «наблюдательного устройства» для исследования коммуникации, идентификации и процессов смыслогенеза.

Теоретическим фундаментом диссертационного исследования послужили также работы по смежным с радикальным конструктивизмом дисциплинам: социальному конструктивизму, феноменологии, кибернетике, энактивизму, синергетике.

Методологическую базу исследования составили:

- историко-философский анализ, при помощи которого производилась работа с обширным материалом, позволившим проследить генезис объекта и предмета исследования и определить их место в философском дискурсе классического и постклассического типа;

- формально-логический метод, послуживший основой для структурирования и систематизации понятий, категорий, концептов, выработанных в рамках радикального конструктивизма и широко используемых в современной эпистемологии и межпредметных исследованиях;

- структурно-функциональный метод, дающий возможность рассмотреть эпистемологическую проблематику радикального конструктивизма, в том числе проблему самореферентности, через выявление корреспондирующих и коррелирующих друг с другом эпистемологических структур, практик, стратегий, парадигм и дискурсов;

- герменевтический метод, позволяющий исследовать семантически многослойные и полемичные тексты представителей радикального конструктивизма;

- метод моделирования, связанный с определением возможных перспектив применения идей радикального конструктивизма для дальнейшего развития философской антропологии;

- метод системного анализа, предполагающий рассмотрение радикального конструктивизма как целостной сложно организованной теоретико-методологической системы в единстве ее элементов, взаимозависимостей и взаимосвязей;

- философско-антропологический анализ, послуживший основным инструментом для исследования идей радикального конструктивизма с учетом последствий т.н. «антропологического поворота» для понимания человека в качестве познающего и познаваемого, деятельного и свободного существа.

Научная новизна результатов диссертационного исследования выражена в следующем:

- осуществлено последовательное применение методологии радикального конструктивизма для объяснения феномена самореферентности и конфликта самореференций человека;

- установлено, что радикальный конструктивизм в рамках классической философской парадигмы опирается на традиции европейского философского скептицизма и онтогносеологического субъективизма; в неклассическом философском дискурсе радикальный конструктивизм позиционирует себя как межпредметное направление современного научно-философского знания, базирующееся на установках и теоретических допущениях «эпистемологии наблюдателя»;

- выявлено, что в рамках «эпистемологии наблюдателя» базовый принцип «круговой причинности» определяет специфику применения эпистемологических установок для объяснения познания и сознания как процессов конструирования внутривнешней реальности, фундаментальными свойствами которых являются самореферентность и самореферентные отношения;

- установлено, что «Я» включает в себя самореферентное представление индивида о реальности и самом себе (собственном «Я») и является результатом самоконструирования познающего/познаваемого индивида, определяемого в качестве наблюдателя/конструктора реальностей той действительности, в которой он пребывает «здесь-и-сейчас»;

- выявлено, что темпоральность в своей антропологической

конфигурации является самореферентной конструкцией познающего индивида, что позволяет ему пребывать как наблюдателю/конструктору в модусе «здесь-и-сейчас» и учитывать свою биографию как необходимый параметр эпистемологического конструирования;

- показано, что самореферентность как свойство сознания обладает двойственной природой и несет в себе конфликт различения и повторения в конструировании реальности и «Я», который разрешается в тавтологии повторения и различения;

- обосновано, что рассмотренный с позиций радикального конструктивизма конфликт самореференций позволяет по-новому осмыслить противопоставление категорий мыслимого и мыслящего и объяснить причину и смысл ввода в неклассическую эпистемологию позиции наблюдателя/конструктора, сопряженной с новыми интерпретациями проблем intersубъективности, коммуникации и Другого.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Радикальный философский конструктивизм наследует традициям философского скептицизма и субъективного идеализма. Однако, оставаясь в первую очередь эпистемологией, радикальный философский конструктивизм последовательно воздерживается от любых утверждений онтологического характера. Существование внешнего мира не ставится под сомнение, но так как признается, что человек независим от внешнего мира, то и его высказывания, касающиеся мира, объявляются нерелевантными. Данная установка выявляет философско-антропологический потенциал радикального философского конструктивизма и объясняет специфику рассмотрения конфликта самореференций в рамках радикально-конструктивистского дискурса.

2. В эпистемологической парадигме радикального конструктивизма познание реальности рассматривается как процесс ее конструирования, фундаментальным свойством которого является самореферентность.

Логическим развитием данного тезиса становится радикально-конструктивистская интерпретация проблемы самопознания, выраженной как проблема самоконструирования субъекта: представление индивида о себе выражается в произведенной им самим конструкции своего «Я». Такая конструкция включает в себя саморефлективное представление индивида о реальности и о своем «Я», которое обнаруживает себя в этой реальности. Понятое таким образом «Я», следовательно, включает в себя ту конструкцию реальности, в которой себя обнаруживает, и наоборот: «Я» конструируется как обнаруженное в реальности и включенное в нее. В таком случае конструирование реальности и конструирование «Я» можно рассматривать в качестве двуединого процесса. Самореферентность познания предполагает независимость конструкции внешнего мира и представлений наблюдателя о самом себе от любой внешней детерминации. Отсюда следует, что человека можно рассматривать в качестве свободного, самодостаточного, независимого, креативного индивида, перманентно конструирующего свою внешневнутреннюю реальность на основе использования своих способностей и возможностей с целью решения определенных задач.

3. Сконструированное «Я» наблюдателя обнаруживает себя не только в мире, но и во времени. Самореферентность познания имплицитно предполагает в себе временное измерение, что наделяет сознание темпоральностью в качестве фундаментального свойства, обладающего детерминирующим характером по отношению к процессу познания. Однако временность (как характеристика реальности и «Я») появляется только в конструкциях реальности и «Я», произведенных познающим субъектом: реальность и «Я» конструируются как временные самим наблюдателем в его саморефлексии. Это позволяет не говорить о темпоральности как об объективно существующей и непосредственно данной детерминанте процесса познания, а рассматривать темпоральность в ее антропологической

конфигурации — в качестве конструкции познающего субъекта.

4. В диссертации на основе применения методологических установок радикального конструктивизма обоснована оригинальная концепция конфликта самореференций человека. Использование логики различений Спенсера-Брауна позволяет преодолеть знаменитый эпистемологический парадокс и доказать, что сконструированное «Я» наблюдателя и «субъект-конструктор», появляющиеся в саморефлексивном различении, можно трактовать как описания друг друга. Отсюда следует, что конструкция «Я» несет в себе описание «субъекта-конструктора» наряду со всеми другими возможными конструктами, которые уже были различены наблюдателем. Так раскрывается двойственность самореферентности и ее внутренний конфликт: различения и повторения в познании, которые, выступая описаниями друг друга, оказываются тавтологическими.

5. Одна из центральных ролей в радикальной эпистемологии принадлежит наблюдателю/конструктору, который в своей распределенно-сетевой или системной активности организует, конструирует, контролирует многообразие реальностей той действительности, в которой он пребывает, обеспечивая смыслогенез. Процессы наблюдения, таким образом, могут рассматриваться только в единстве с процессами коммуникации, на чем основана радикально-конструктивистская интерпретация проблемы Другого и проблемы intersубъективности. В эпистемологической парадигме радикального конструктивизма Другой может быть рассмотрен только в качестве конструкции наблюдателя, поэтому правомерно представить Другого в качестве такой конструкции, которая так же несет в себе тавтологию различения и повторения: Другой как объект в сконструированной реальности тавтологически повторяется в «Я» наблюдателя.

Теоретическая и практическая значимость результатов проведенных исследований.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработанных и хорошо обоснованных автором положениях, которые базируются на критическом пересмотре тех проблем радикально-конструктивистского дискурса, которые ранее полагались в нем самоочевидными или не подвергались объективному рассмотрению. Философско-антропологическое значение исследования состоит в разработке концептуальной основы радикально-конструктивистского типа, обеспечивающей новые возможности для философского понимания человека.

Практическая значимость полученных результатов обусловлена тем, что они могут быть использованы в процессе организации и проведения педагогических, психологических, антропологических, социологических исследований, а также в рамках учебных курсов по философской антропологии, философии познания, феноменологии, психологии, социологии знания, истории и философии науки, социальной и культурной антропологии.

Апробация результатов исследования. Основные результаты исследования были обсуждены в ходе четырех докладов на научно-методологическом семинаре кафедры философской антропологии МГУ имени М.В.Ломоносова, полученные выводы легли в основу восьми докладов и выступлений на международных, всероссийских и республиканских конференциях. Материалы и результаты диссертации были использованы в процессе чтения лекций и проведения семинарских занятий в группах бакалавров и магистров философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в период 2016 – 2018 гг.

Основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в восьми публикациях автора, три из которых опубликованы в изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ для опубликования основных научных результатов диссертационных исследований.

Объем и структура работы. Материалы диссертационного исследования изложены на 192 страницах. Диссертация состоит из введения, двух глав, семи параграфов, заключения, списка использованной литературы, включающего 195 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, анализируется степень ее научной разработанности; определяются цель и основные задачи исследования, теоретико-методологическая основа их решения; характеризуются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы; формулируются положения, выносимые на защиту; описывается структура работы; указывается апробация результатов исследования.

В **первой главе «Радикальный конструктивизм. Самореферентность»** на основе историко-философского анализа выявляется теоретическая обусловленность конструктивистских идей, причины их укорененности и перманентной воспроизводимости в философской традиции, а также их последующие модификации. Определяется специфика позиционирования представителей радикального конструктивизма в рамках классического и постклассического философского дискурса. Раскрываются основные эпистемологические установки радикального конструктивизма, конкретизируется его понятийный аппарат.

В **первом параграфе «Конструктивистские идеи в истории философии»** анализируются философские концепции, образующие теоретический фундамент, на котором выстроено здание радикального конструктивизма.

В первую очередь радикальный конструктивизм наследует традиции греческого скептицизма в лице Ксенофана, Аркесилая, Пиррона и Карнеада, в

философии которых проблематизировались вопросы соотношения знания и реальности. Причины и формы проявления ограниченности человеческого знания исследовались и софистами, в частности Протагором, а затем глубоко анализировались в работах Иоанна Скота Эриугены, в комментариях Р. Беллармино и А. Осияндера (представлявших своего рода фаллибилизм) к работам Г. Галилея и Н. Коперника соответственно.

Дальнейший анализ показал, что скептицизм Декарта, связанный с поиском особой точки отсчета – «*cogito*», воспринимается сторонниками радикального конструктивизма как необходимое и достаточное основание их философской позиции: *усомниться* — значит лишить достоверности, именно в этом заключен современный конструктивистский пафос. В конструктивизме скрыто заложена картезианская парадигма, поскольку признание существования субъекта рассматривается как скрытое имплицитное допущение (другой вопрос, как этот субъект понимать). Подвергая сомнению достоверность знаний субъекта, сторонники радикального конструктивизма акцентируют внимание на *позиции субъекта/наблюдателя*, чье наблюдение может претерпевать воздействие различных факторов, но сама эта *позиция* в познавательном процессе надежно утверждена.

Истоки радикального конструктивизма можно найти и в британском эмпиризме, представленном именами Д. Локка, Дж. Беркли и Д. Юма. Понятно, что речь не идет о точном следовании в рамках радикально-конструктивистского дискурса каким-либо тезисам данных философов, но отмечается принятие *самой логики* рассмотрения и объяснения человеческого опыта и сознания в работах выше названных мыслителей. Следует указать, например, на метафору «*tabula rasa*», позволяющую понять, каким образом осуществляется конструирование внутренней и внешней реальности субъекта. Философия Дж. Беркли рассматривается в радикальном конструктивизме как особая эпистемологическая программа, в которой все познаваемые вещи есть:

1) мысли, 2) способность воспринимать мысли, 3) способность вызывать мысли; а первичные качества вещей (например, протяженность) порождаются наблюдателем.

Не смотря на «теорию фикций» И. Бенгама и тезис Дж. Вико о том, что наше рациональное знание конструируется нами самими, а представления о мире *изобретаются* человеком благодаря таким познавательным способностям как воображение и фантазия, сами представители радикального конструктивизма, отмечая данные идеи, как несомненно продуктивные, называют первым «эпистемологическим конструктивистом» И. Канта. В диссертации проведен подробный анализ идей Канта и выявлены те концепты немецкого философа, которые широко используются в радикальном философском конструктивизме.

Помимо историко-философских оснований радикального конструктивизма в параграфе выявляются и исследуются идеи, разрабатываемые в рамках естественнонаучного, лингвокультурологического и психолого-антропологического знания, которые затем были переосмыслены в соответствующем ключе представителями радикального конструктивизма и способствовали его формированию. Речь в первую очередь идет об эволюционной теории Ч. Дарвина, идеях У. Джеймса, Ф. де Соссюра, Ж. Пиаже. Кроме того, отмечается, что теоретический фундамент конструктивистской методологии был заложен феноменологической философией – феноменологической социологией в интерпретации А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана. Особую роль в формировании радикального конструктивизма сыграли конструктивный альтернативизм и теория личностных конструкторов Дж. Келли. Оригинальное обоснование проблемного характера соотношения знания и реальности обнаруживается и у представителей естественных наук: Э. Шредингера, А. Эддингтона, Н. Бора, В. Гейзенберга, А. Эйнштейна.

Таким образом, в ходе историко-философского анализа были выявлены наиболее значимые философские установки и концепты, которые использовались затем в радикальном конструктивизме для обоснования «новой эпистемологии» и критики классических интерпретаций знания, сознания, познания.

Второй параграф «Эпистемология радикального конструктивизма» посвящен анализу наиболее значимых эпистемологических установок, обоснованных в работах основателей данного направления: Э. фон Глазерсфельда, Х. фон Ферстера, У. Матураны, Ф. Варелы, Г. Рота и П. Вацлавика.

Хотя радикальный конструктивизм не отличается непротиворечивым единством и концептуальной целостностью, его общей базовой эпистемологической установкой является трактовка знания как конструкции, созданной познающим субъектом для решения определенных задач. При этом в принципе не признаются какие-либо онтологические допущения: это запрещено самой методологией радикального конструктивизма. В рамках данного направления философской мысли реальность предстает как совокупность ментальных конструкций, создаваемых субъектом посредством языка, когнитивных и социокультурных паттернов, матриц.

Анализ показал, что для представителей радикального конструктивизма когнитивные практики, познавательная активность, концептуализирующие операции считаются «адаптирующими/приспособленными» к реальности в том случае, если они подходят к целеполагающим или описательным контекстам, в которых индивид их использует. В конструктивистском понимании концепция «приспособленности» заменяет собой классические философские концепции истины, связанные с выявлением «действительно правильных» репрезентаций реальности. С другой стороны, исследование концепции «коммуникационной реальности» П. Вацлавика позволило сделать вывод, что в радикальном

конструктивизме допускается существование не одной, но множества реальностей, которые появляются как результат коммуникации и в совокупности представляют собой т.н. «действительность второго порядка», имеющую дело со смыслами и ценностями, приписываемыми вещам. Действительность первого порядка — это действительность объективно измеряемых показателей, действительность чувственного восприятия, характеризующаяся верифицируемостью и повторяемостью. В радикальном конструктивизме она определяется как сконструированная коммуникационная реальность, которая становится основанием не только каждой конкретной психической жизни отдельного индивида, но и основанием социальности как таковой.

В «нейробиологическом конструктивизме» У. Магураны, Ф. Варелы и Г. Рота обоснована еще одна значимая эпистемологическая установка, связанная с понятием аутопоэтической организации. Последняя определяется как «сеть производительной активности», зависящая от следующих свойств составляющих ее частей: рекурсивности, системной организованности, пространственной целостности. Отличительная особенность аутопоэтической организации — автономность и самовоспроизводимость. Динамика познавательной активности субъекта/наблюдателя во многом сходна с подобным типом организации и обладает сходными свойствами.

Данную концепцию дополняет «эпистемологический конструктивизм» Г. Рота, в рамках которого проблема соотношения познающего и познаваемого рассматривается через призму различия между «реальностью» и «действительностью». Согласно Роту, процессы в «реальном» мозге никак не корреспондируют с «действительными» описаниями этих процессов. «Действительность», как конструкция «реального» мозга, зависит от его функциональной организации, но феноменология мозга не выходит за рамки производимой им «действительности». «Реальный» мозг принадлежит

трансфеноменальной реальности, и он же выступает в качестве конструктора «действительности», в которую входят описания наблюдаемых объектов и процессов, включая «действительное» представление о «реальном» мозге и человеческое «Я».

Таким образом, эпистемологические установки радикального конструктивизма существенно расходятся с классическими представлениями о реальности, процессах познания, природе и функциях субъекта. С их помощью проблема истинности, репрезентации и познаваемости замещается проблемой самореферентности.

В *третьем параграфе* «Самореферентность в эпистемологии наблюдателя Х. фон Ферстера» исследуются специфика и эвристический потенциал «кибернетического конструктивизма» Ферстера, а также содержание, экспликационная и эпистемологическая ценность базового понятия — «самореферентность».

Основной постулат эпистемологии наблюдателя Х. фон Ферстера утверждает, что окружающая среда в том виде, в каком мы ее воспринимаем — наше собственное изобретение. Мир организуется субъектом/наблюдателем из материала наших представлений, которые сами по себе являются субъективными конструктами. Мир не содержит в себе никакой информации, которую следовало бы познавать, понимать и репрезентировать соответствующим образом: вся информация изобретается/конструируется нами. Наблюдатель неотделим от процесса наблюдения и его результатов: знание производится субъектом в процессе наблюдения и целиком им определяется. Знание о субъекте также возможно только посредством наблюдения за ним и тем, что воспринимается им как его собственное знание. Следовательно, процесс наблюдения всегда требует своего собственного наблюдателя. Этим определяется значение понятия «самореферентность» в «кибернетической эпистемологии» Х. фон Ферстера.

Самореферентность трактуется как «собственная референтная система личности». При этом объективный мир не может являться референтной системой, что обусловлено «кругообразной» организацией сознания и широким применением принципа круговой причинности: наблюдатель одновременно является и частью и соучастником того, что он наблюдает в качестве той или иной реальности. Наблюдатель/конструктор в своей распределенно-сетевой или системной активности организует, конструирует многообразие реальностей той действительности, в которой он пребывает. Самореферентность образует основание любой эпистемологии или модели человеческого сознания, поскольку любая эпистемология или теоретическая модель являются, по сути, теорией и моделью самих себя. Именно данный подход определяет особенности обоснования понятия «самореферентность» в радикально-конструктивистском дискурсе.

Таким образом, центральное положение понятия «самореферентность» в радикальном конструктивизме обусловлено несколькими факторами: отказом от классического философского субъекта в пользу фигуры наблюдателя/конструктора; пониманием пространства эпистемологической деятельности индивида как пространства коммуникации; широким использованием принципа круговой причинности в качестве экспликационного основания теоретических построений. Применение понятия «самореферентность» в рамках философского дискурса позволяет выйти за пределы классических подходов к проблемам познания и сознания и акцентировать внимание на последствиях «антропологического поворота».

Вторая глава «Конфликт самореференций человека» посвящена исследованию возможности применения теоретико-методологических принципов радикального конструктивизма для решения наиболее интересных, с точки зрения постнеклассической философии, эпистемологических проблем: проблемы «Я», антропологических конфигураций темпоральности, конфликта

самореференций, принципов интерпретации фигуры Другого.

В *первом параграфе* «Конструирование “Я”» анализируются возможности рассмотрения «Я» с точки зрения позиции наблюдателя/конструктора. Отмечается, что описывая и конструируя себя, «Я» помещает себя в культурный контекст, в уже существующий intersубъективный мир, обнаруживая себя в бесконечном множестве ситуаций «здесь-и-сейчас», которые так же являются плодами его совместной с Другим конструирующей деятельности. Однако оставаясь единственным референтом в своей познавательной активности, конструирующее «Я», тем не менее, заключает для себя, что оно само в определенной степени принадлежит сфере «объективности». «Я» помещает себя в эту сферу и одновременно помещает ее в себя, сохраняя при этом свою целостность. Данный процесс лежит в основе работы сознающего «Я», создавая уникальную для каждого индивида биографическую ситуацию посредством выстраивания генеалогии реальностей «здесь-и-сейчас», каждая из которых, оставаясь собственной конструкцией «Я», является одновременно следствием и причиной всех последующих его конструкций. При этом проблема идентичности и самоидентичности разрешается в радикально-конструктивистском дискурсе не столько посредством коммуникации в intersубъективном ключе, сколько исходя из особенностей восприятия-конструирования мира и «выбора-ответственности». Осознанный выбор всегда влечет за собой осознанную ответственность и, следовательно, самоидентичность человека. Ответственность за любые поступки и их последствия лежит исключительно на индивиде как наблюдателе/конструкторе. Из этой позиции вытекает понимание таких феноменов как самонаблюдение, самописание, самореференция. В данном случае об «объективности» в рамках радикально-конструктивистских установок можно говорить только с точки зрения отсутствия любых объективных детерминант поведения человека, который отвечает за все то, что

сам сконструировал «здесь-и-сейчас». Отсюда вытекает значение фактора времени.

Во **втором параграфе «Антропологическая конфигурация темпоральности. Конструирование времени»** проводится подробный анализ радикально-конструктивистских экспликаций феномена темпоральности. Подчеркивается, что как важнейшая характеристика сознания темпоральность раскрывается в модусе самонаблюдения. Она не представлена как «непосредственная данность», независимая от сознания индивида характеристика *внешнего* мира. Время предлагается рассматривать в качестве «конструкции наблюдателя» — как объяснительный принцип, но не как фундаментальную характеристику познания. Если индивид соотносит какое-то событие в прошлом с событием в наблюдаемом настоящем, то он имеет дело не с *реальным* прошлым (*реальное* прошлое, очевидно, вообще не может стать объектом наблюдения), а с той конструкцией прошлого, которую он сам выстраивает как наблюдатель. Так как два набора этих пропозиций — события в прошлом и события в настоящем — соотносятся в сознании наблюдателя, то и время как отношение между двумя этими событиями обнаруживается только в сознании наблюдателя. Темпоральность обнаруживается благодаря «кругообразности» конструирования-восприятия «временной реальности». Время включено в «круг» конструируемого индивидом мира: речь идет о внутреннем времени индивида, и оно не является данностью. Наличие различных пространственно-временных «ракурсов» жизни индивида определяется его опытом наблюдателя/конструктора и самоидентичностью. В этом смысле темпоральность индивида постоянно корреспондируется с его внутренним состоянием и в определенной мере определяет его «историчность». Понятая таким образом темпоральность может стать и становится тем «полем», на котором разворачивается конфликт самореференций.

В **третьем параграфе «Конфликт самореференций. Различение,**

повторение, тавтология» раскрывается радикально-конструктивистская концепция конфликта самореференций на основе использования принципа «круговой причинности», обоснованного в «эпистемологии наблюдателя».

Самореферентность процесса познания полагает в качестве референта самого познающего, «субъекта». Однако понимание субъекта в классической философии, как уже отмечалось, носит проблемный характер. Классическая субъект-объектная дихотомия не выявляет собственно субъекта, но подменяет его фикцией, которая в дальнейшем рассматривается в качестве «непосредственной данности»: она занимает только *позицию* субъекта, которая стоит над феноменальной областью наблюдения, включающей в том числе и самого наблюдателя. В данном случае попытка исследовать субъект перетекает в исследование упомянутой фикции, и реферирование осуществляется по отношению к ней же. В самореференции также заложено *различение* между познающим и познаваемым. Если наблюдатель занят познанием самого себя, то в *различении* он обнаружит собственное «Я» на *позиции* субъекта. Вместе с тем, самореферентность предполагает, что в качестве референта познания должно выступить это «Я», что помещает его по обе стороны субъект-объектной оппозиции, делает познание «наблюдателем» самого себя кругообразным и рекурсивным, но вместе с тем *различенным*.

В *различении* возникают «“Я” мыслящее» и «“Я” мыслимое», каждое из которых рекурсивно вызывает другое, и которые совпадают в сознании наблюдателя. Любая попытка оформить знание наблюдателя о «Я-мыслящем» вызовет объективированное «Я-мыслимое», которое, тем не менее, совпадет с «Я-мыслящим», поскольку «Я-мыслимое» в качестве знания о нем полностью принадлежит «Я» наблюдателя, которое обнаруживает себя во всяком произведенном им знании. В этом кругообразном движении знание «Я» о себе самом *повторяется*. Таким образом, кругообразность может быть сведена к *тавтологии*. Тавтология изначально заложена в рекурсии: конечный результат

и исходный элемент рекурсивной операции *повторяют* друг друга.

Самореферентное отношение, принимающее форму различения, занимает в радикальном конструктивизме *позицию* субъекта. Возникающий в различении объективированный образ «Я» сам выступает в качестве объекта конструирования, откуда следует, что процесс конструирования «Я» индивида обладает свойством самореферентности. Следовательно, сконструированное «Я», подчиняясь принципу круговой причинности, является одновременно конструкцией и определяющей причиной для любой другой конструкции, включая себя самого: «Я» является продуктом и исходным материалом для самого себя. Именно в этом смысле применительно к описываемой модели знания оно обладает свойством самореферентности. Таким образом, все, что индивид знает о себе самом, содержится в конструкции его собственного «Я». Именно в качестве *знания* о себе любое знание «Я» представляет собой его *повторение*: «Я» знает о себе, что «Я» знает какой-то объект.

Если мы рассматриваем самореференцию в самонаблюдении, то есть самореферентное отношение между *мыслящим* «Я» и «Я» *мыслимым* как предмет теории второго порядка, то самоприменимость обнаруживается в том, как *мыслящее* «Я» в *повторении* о себе конструирует себя как объект, и, далее, как такой объект снова *повторяет* собой процесс собственного конструирования. Иными словами, как только предмет теории второго порядка в размышлении становится предметом этого размышления, вслед за ним предметом размышления становится и сама теория второго порядка. Наблюдение за наблюдением за объектом само тогда становится наблюдением-за-собой в качестве объекта. Получившееся *повторение* и представляет собой *тавтологию*.

Таким образом, оставаясь в рамках радикально-конструктивистского дискурса, следует признать, что предмет теории второго порядка, который *повторился*, должен был быть *различен*, и вместе с тем *повторен* в различении.

Из чего можно сделать общий вывод: *различение и повторение в самореференции тавтологичны.*

В *четвертом параграфе «Солипсизм, Другой, тавтология»* с учетом эпистемологических установок радикального конструктивизма осуществляется критический анализ традиционных упреков субъект-ориентированным философиям в солипсизме и обосновывается соответствующая модель интерсубъективности.

На основе проведенного исследования теорий второго порядка и их функциональных особенностей можно констатировать, что некий классический «центр познания» (например, субъект) не может выступать абсолютным референтом познавательной деятельности, поскольку сам включен в нее как ее сконструированный объект. Из чего можно заключить, что отношение между конструирующим Еgo и объективированным внешним миром обладает не иерархической, а гетерархической, структурой. В рамках гетерархического отношения у наблюдателя/конструктора отсутствует *реальный* повод (и возможность) находиться в позиции доминирования: его собственное представление о себе, о своем «Я» является органичной частью этой сконструированной действительности.

Таким образом, критика радикального конструктивизма за якобы присущий его сторонникам солипсизм будет корректна только в том случае, если сможет быть осуществлена с позиций самого радикального конструктивизма, но не с позиций, внешних по отношению к его методологическим установкам и эпистемологическим принципам.

Очевидно, что в самом понятии самореферентности уже подразумевается инаковость: это видно из возникающего вопроса о том, *кто* выступает в качестве референта - «*кто сам?*» Ответ на этот вопрос отсылает к «иному» (инаковости), к фигуре Другого, проводя различение между вопрошаемым *кто* и вопрошающем о нем и требуя учета коммуникативной/интерсубъективной

природы знания.

Интерсубъективность, предполагающая наличие Другого («другой психики», помимо психики наблюдателя в наблюдаемом им мире), находит свое выражение в коммуникации, поскольку «другая психика» доступна наблюдателю исключительно в виде поступающих сообщений: наблюдатель определяет «другую психику» в качестве своего адресанта. Согласно одной из базовых установок «эпистемологии наблюдателя» - «Слушающий, а не говорящий, определяет смысл сказанного» - адресованное Другим («другой психикой») наблюдателю сообщение подлежит интерпретации адресатом: возможный смысл, который мог бы заложить в сообщение адресант, оказывается принадлежащим только и исключительно наблюдателю-адресату. Следовательно, в рамках радикально-конструктивистского дискурса коммуникация как «адекватный» обмен сообщениями оказывается невозможной, поскольку самого обмена как такового не происходит. Конструктивист вынужден признать, что всякое сообщение в коммуникации и сама коммуникация как процесс являются конструкциями, произведенными им самим. Коммуникация, понятая как обмен сообщениями, впервые появляется не в интерсубъективной диспозиции, а в *самонаблюдении*, когда адресатом и адресантом выступает сам наблюдатель, а наблюдение понимается как особая форма коммуникации - автокоммуникация. В указанном контексте собственное «Я» наблюдателя можно рассматривать в качестве сообщения, смысл которого раскрывается «слушающим», а не «говорящим». При этом «слушающий» и «говорящий» *повторяют* друг друга. Такое понимание коммуникации вновь отсылает к конфликту самореференций, в рамках которого оно раскрывается как *различение*. Подобное толкование коммуникации в рамках радикально-конструктивистского дискурса сопряжено с социологическим смыслом самореференции.

Если рассматривать данное утверждение как справедливое

применительно к ситуации самонаблюдения, то это еще не означает его справедливость для ситуации, в которой фигурирует Другой. *Реальное* существование Другого, его онтологический статус *не могут* быть предметом рассмотрения в радикальном конструктивизме: мы вынуждены иметь дело только с его описанием, с Другим исключительно как с конструкцией. В качестве конструкции Другой *тавтологичен* «Я».

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что конфликт самореференций в рамках радикального конструктивизма понимается чрезвычайно своеобразно и сопрягается с попытками заменить традиционного субъекта классической философии фигурой наблюдателя, конструирующего себя самого (свое «Я»), все виды реальности и любые теории, опираясь на самонаблюдение. Прокламируемой целью радикального конструктивизма является «возвращение в современную философию человека и человечности», однако в полной мере данная цель не реализована до сих пор (если вообще может быть реализована) во многом из-за противоречивости и непоследовательности теоретико-методологических установок представителей радикального конструктивизма. Однако переосмысление многих важнейших для философского знания проблем, предпринятое в рамках радикального конструктивизма, безусловно, полезно для развития теоретического и методологического потенциала современной философской антропологии.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, формулируются основные выводы, намечаются направления дальнейшей разработки представленной проблематики.

Основные идеи диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата

наук:

1. Попов А.П. Проблема соотношения прошлого и настоящего в самоописаниях «Я» / А.П. Попов // Современные исследования социальных проблем. – Т. 9. – №4-2. – С. 96-99.
2. Попов А.П. Изобретенное «Я»: самореферентность и самописание / А.П. Попов // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2017. – №3. – С. 94-104.
3. Попов А.П. Самореференция и самоидентичность в эпистемологии наблюдателя / А.П. Попов // Философская мысль. – 2018. – №2. – С. 45-52.
4. Попов А.П. Конфликт самореференций человека / А.П. Попов // Вопросы философии. – 2019. – №8. – С. 113-123.

Статьи, опубликованные в иных научных изданиях:

1. Попов А.П. Феноменология эго: изобретения, референтность, рефлексия [Электронный ресурс] / А.П. Попов // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017». – М.: МАКС Пресс, 2017. – 1 электрон. опт. Диск (DVD-ROM); – Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader.
2. Попов А.П. Семантическая самореферентность когнитивной функции метафоры / А.П. Попов // Слово и текст в культурном и политическом пространстве: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции студентов и аспирантов. – Сыктывкар. – 2017. – С. 77-78.
3. Попов А.П. Язык и культура в конструктивистском дискурсе / А.П. Попов // Литература и язык в современном поликультурном пространстве. Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. – Sterlitaмак: Sterlitaмакский филиал

БашГУ. – 2017. – С. 137-140.

4. Попов А.П. Конструирование идентичности как конфликт самореференций / А.П. Попов // Субъект, сознание и познание в контексте современной философии и когнитивных наук. – М.: Аквилон. – 2017. – С. 48-50.
5. Попов А.П. Антропологическая конфигурация темпоральности в дискурсе радикального конструктивизма [Электронный ресурс] / А.П. Попов // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2018». М.: МАКС Пресс, 2018. – 1 электрон. опт. Диск (DVD-ROM); – Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader.